

ОЧЕРК, ПУБЛИЦИСТИКА

Борис МАШУК

ПОД КРЫЛОМ — БЕРЛИН!

Очерк

Июньским днем 1964 года шел я в гости к хорошему знакомому, проживавшему в нашем городе в одном из домов по улице Крестьянской (ныне — Красноармейская). Дома эти назывались генеральскими. И военторговский магазин, почти примыкавший к высокому глухому забору с воротами, украшенными пятиконечными звездами, тоже назывался генеральским. Объяснялось все просто: за забором располагалось что-то военное, в простонародье называемое штабом. То ли армии, то ли дивизии. Вот и дома строились для военного люда. И магазин, и рядом расположенное ателье обслуживали офицерский состав. Хотя, сказать по правде, ничего необычного в тех жилых трехэтажках и не было. Разве что потолки чуть повыше да стены пошире.

В одном из домов и проживал Владимир Федорович с женой, тещей и двумя дочками-подростками. Сам он служил в авиации, носил погоны с двумя просветами и тремя звездами. И как раз в упомянутом штабе Владимир Федорович занимался, как он говорил, электрооборудованием. Мне, пять лет назад снявшему погоны старшего сержанта, прослужившему без малого три с половиной года в радиотехнических войсках, бывшему радисту первого класса, военные подробности полковника были до лампочки, а сам он служебных дел в разговорах не касался. Другие темы имелись. Перспективные, гражданские, поскольку Владимир Федорович собирался в запас по выслуге и мечтал о жизни в родном городке на волжском берегу.

Тот воскресный день был солнечным, распаханутым от света. Во внутренних дворах гомонили ребятишки, женщины сушили белье, судачили,

нежась на лавочках в летних сарафанах, халатах. А на улице царили тишина, безлюдье, и я издали увидел идущего со стороны штаба офицера. И по вбитой за время службы привычке приветствовать старшего по званию, присмотрелся внимательнее. И тут же, видно по той же привычке, внутренне подсобрался, поскольку навстречу шел генерал-лейтенант авиации. Роста выше среднего, стройный, смугловатый лицом, на котором выделялись черные аккуратные усы и — большие темно-коричневые выразительные глаза. На таких мужчин женщины обычно оглядываются. А вслед этому генерал-лейтенанту, шедшему неторопливо, как-то расслабленно, с обнаженной темноволосой головой и фуражкой в руке, оглянулся бы любой мужик: на его кителе чуть выше широкорядной орденской колодки сверкали на солнце две Золотые Звезды Героя Советского Союза.

И так уж оно получилось, что я едва не отдал генералу честь. Рука сама по себе дернулась, да остановилась. Чуть задержав на мне взгляд, видно, по моему возрасту и внешности определив недавнего солдата, генерал чуть кивнул, улыбнувшись, и с той же неторопливостью отдыхающего человека пошел дальше.

Нужно сказать, что к тому времени я уже более двух лет заведовал отделом в редакции областной молодежной газеты "Амурский комсомолец". Печатался часто, выступая в жанре зарисовки, очерка, статьи. Набрал, как говорится, очки авторитета и признания в журналистике. Ну и как всякому газетчику, тем более начинающему, хотелось сенсации, в хорошем смысле слова, хотелось открытия, необычного случая. И меня просто заштормило от вопросов: кто он, этот генерал-лейтенант? что за судьба? какие подвиги совершил? что делает в Благовещенске? почему о дважды Герое ничего и нигде не слышно?

С таким зарядом мыслей и чувств я и нагрянул в гости. Выслушав мой рассказ о встрече на улице, Владимир Федорович с удивлением спросил:

— И он шел один? Без сопровождения? Без адъютантов?

— Совершенно... А кто он?

Полковник подвинул к себе пепельницу, взял из коробки "Казбек" папиросу, закурил и с усмешкой на мое нетерпение сказал:

— Считай, брат, тебе повезло... Встретился ты с легендой нашей авиации. Если точнее, бомбардировочной авиации дальнего действия. Так она во время войны называлась... Сейчас мы именуемся по-другому. Стратегической! Иные расстояния полетов, иные потолки. И задачи у нас, и машины другие. А он уже в августе сорок первого, в сентябре сорок второго бомбил Берлин... Представляешь? Фашист торжествует, подбирается к Москве, Ленинграду, а наши бомбят его логово. И на чем летали? Как летали? Если сравнивать бомбовозы тех лет с сегодняшними — это сравнивать "кукурузник" У-2 с ТУ-96-м... Горючее постоянно на пределе, расчет на полет в обрез, до десятка литров остатка. Навигационное оборудование слабое, герметизации нет. Если за бортом минус тридцать — столько же в кабинах. А лететь до Берлина и обратно не менее девяноста часов. И все ночью, в постоянной темноте, без горизонта...

Сделав пару затяжек, Владимир Федорович помолчал и продолжил рассказ:

— Я, знаешь, не новичок в авиации, но не могу представить, осмыслить,

как он и другие могли сделать такое. Это находится за пределами возможностей человека. Даже в теории...

— Но кто он?

— А-а... что ж, товарищ журналист, записывай: дважды Герой Советского Союза Молодчий Александр Игнатьевич... Войну начинал младшим лейтенантом, командиром звена бомбардировщиков. Сейчас, как сам видел, генерал-лейтенант. И должность у него повыше... А летать продолжает, сам "обкатывает" новые машины...

Долгим был рассказ полковника о генерале, к которому он, судя по всему, относился с очень большой уважительностью. Под конец же, усмехнувшись, Владимир Федорович хитровато посмотрел на меня:

— Интересная судьба, а? Садись и пиши... Только вот напечатать вряд ли получится.

— Почему?

— А это тебе в другом месте объяснят...

Объяснили. Очень популярно, доходчиво и скоро. Буквально на следующей неделе, будучи дежурным редактором по выпуску номера газеты, разговорился я о встрече с генералом Молодчим с нашим цензором. Выслушав, тот покопался в стопке своих справочников, предписаний, инструкций и сказал:

— Значит так: он тебя не знает, а ты его не видел. Понятно?

— Н-не совсем...

— Вот перечень должностей и фамилий, появление которых в печати запрещено... Твой Молодчий значится в первых.

— Почему?

— Туго соображаешь... Просто потому, что по его местонахождению наши "друзья" по холодной войне, и прежде всего американцы, сразу вычислят месторасположение дальней бомбардировочной авиации стратегического назначения. Они же помнят, кто бомбил Берлин. И когда... Сами о нем не раз писали. Так что вычеркни и забудь.

Легко сказать: "Вычеркни и забудь!"... Тем более, что исполнению совета старого цензора все время мешали обстоятельства. Лет пятнадцать назад раскрываю центральную "Комсомолку", а в ней на всю страницу интервью с дважды Героем А.И. Молодчим, генерал-лейтенантом, но уже в отставке. И фотография. И опять в памяти ожила та давняя встреча на солнечной улице у генеральских домов...

В феврале 90-го, будучи руководителем Амурской писательской организации, с группой поэтов, прозаиков, бардов приезжаю в Серышевский район для проведения Дней литературы и искусства. В плане работы — встреча с авиаторами на аэродроме Украинка. Захожу в музей боевой славы части и рядом с портретом Алексея Маресьева вижу портрет Александра Молодчего...

Еще раньше совершенно случайно в командировке покупаю маленькую — размером с ладонь — книжечку В.Муштаева "Вижу Берлин!". Уже со своим интересом начинаю читать. Да, речь о первых бомбежках фашистского логова в августе 41-го. Но основные герои — летчики 1-го минно-торпедного полка, летавшие на "Илах". А Молодчий в то время летал на бомбардировщике ЕР-2. "В августе на соседний с Кагулом аэродром на острове Саарема, — сказано в книжке, — произвела посадку группа самолетов 81-й авиационной дивизии дальнебомбардировочной авиации. Цель та же — Берлин".

Но, вспоминая свое детство в подмосковном поселке, В.Муштаев пишет, как однажды слякотным октябрьским днем 42-го года увидел на местном базарчике троих молодых ребят в одинаковых меховых регланах с капюшонами. Летчики были с аэродрома, расположенного в нескольких километрах от поселка, и каждый вечер с той стороны из-за леса взлетали, сотрясая воздух, тяжелые самолеты, уходящие в ночь. А в тот час трое из летчиков спокойно пили топленое молоко, купленное у местной хозяйки. Увидел их и безногий инвалид-фронтовик и сказал пацанам: "Смотрите туда, хлопцы, смотрите! Вон те ребята Берлин бомбят!" И вдруг, обращаясь к летчикам, срываясь до хрипоты, закричал: "Бейте их, гадов! Бейте сволочей за мои ноги!"

Один из пилотов обернулся, и будущий автор запомнил его красивое лицо, темно-карие глаза и черные усы, а под чуть распахнувшимся регланом блеснувшую Золотую Звезду Героя. Он ничего не сказал инвалиду, только посмотрел как-то особенно пристально... И далее: "Имена прославленных авиаторов дальнего действия, неоднократно участвовавших в бомбардировках Берлина, часто упоминались в газетах. Среди них Герои и дважды Герои Советского Союза В.Н.Осипов, П.Н.Таран, Е.П.Федоров, Э.К.Пуссел, В.Ф.Романов, А.И.Молодчий..."

Как-то раскрываю Большой энциклопедический словарь. Искал одно, наткнулся на другое: "Молодчий Ал-др Игн. Дважды Герой Сов. Союза (1941, 1942), ген.-лейтенант авиации (1962). Чл. КПСС с 1942 г. В Вел. Отеч. войну в Авиации дальнего действия; ком. эскадрильи. 311 боевых вылетов (в т. ч. 287 ночных)".

Что же оно такое — Александр Молодчий... Молодчий! Уже заноза во мне... Надо же, в строгом академическом издании подчеркивается: "287 ночных боевых вылетов". А даты присвоения Героя? Года 1941-й, 1942-й... В роковом сорок первом, когда немец-фашист нас бил и давил, ордена и геройские звания давали редко и чаще посмертно. А тут...

В моей папке, в блокноте и памяти появлялись все новые данные... Я уже знал, что прославленный ас родился в июне 1920 года. (Значит, Героем стал в 21 год, а дважды — в 22 года!) Его родина — украинский город Луганск, отец — рабочий, мать — домохозяйка. В шестнадцать лет после окончания школы поступил в Луганскую школу военных летчиков. Через два года в звании младшего лейтенанта начал службу в дальнебомбардировочном полку, базировавшемся под Орлом. Здесь же за несколько месяцев до начала войны браваый военлет женился на местной красавице по имени Шура.

Что еще... Что за орденой планкой? За мужество и доблесть награжден тремя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, Красной Звезды, многими медалями. После войны окончил Академию Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Командуя крупными авиационными соединениями дальней авиации стратегического назначения, все время летал, осваивая новейшие бомбардировщики и ракетноносцы. Но если во время войны в сводках Совинформбюро, сообщениях ТАСС не раз назывался лейтенант, старлей, капитан, майор Молодчий, то в мирное время его как бы не стало. Обстоятельства и должность перевели Героя под "Низ-зя!", что обозначало строгую секретность.

Из-за нее, окаянной, я просто не мог представить, догадаться, что допол-

нительная информация живет рядом со мной. И открылось это ну совершенно случайно...

После публикации в "Старой мельнице" воспоминаний бывшего чекиста П.И.Толстенко, которые я готовил к печати, зашел ко мне его сын Виталий Павлович — давний знакомый. Еще до моего прихода в "Амурский комсомолец" он работал в редакции фотокорреспондентом. Потом ушел на такую же должность в военную закрытую газету. Позже служил в погранотряде, мичманил в группе бронекатеров. И все время снимал, печатался в областных газетах, других изданиях.

И в тот приход Виталий Павлович принес пачку фотоснимков с текстом воспоминаний о своей работе в той самой закрытой газете. Рассматривая снимки, сделанные почти сорок лет назад, к немалому удивлению я увидел такое знакомое лицо.

— Кто это? Откуда?

— Как? — не менее моего удивился Виталий Павлович. — Это же командующий Пятой воздушной армии дальних бомбардировщиков... Генерал-лейтенант Молодчий. Александр Игнатьевич... Дважды Герой...

— И ты снимал его здесь, в Благовещенске?

— Конечно... В штабе, в его кабинете...

С волнением я еще и еще раз перебирал снимки, вглядываясь в черты лица, в едва обозначенную улыбку и выражение глаз.

— Слушай, почему у него грустные глаза?

— А потому, что снимал я его после инфаркта... А что это означает для летчика в сорок пять лет?

— Что еще знаешь? Расскажи. Почему он был замом?

— Со дня создания Пятой воздушной армии ею командовал генерал-полковник Судец. Владимир Александрович. Герой Советского Союза... Потом командарм стал маршалом, главнокомандующим Войсками ПВО страны. Пятую армию вскоре преобразовали в корпус, и его командиром был назначен Молодчий.

Знаешь, интересный мужик... Строгий, но... как бы это сказать... Понятливый, совестливый, что ли... Он никогда не повышал голоса, и подчиненные его не побаивались как командира, а при промашках больше стыдились... Наверное, потому, что все сослуживцы знали боевой путь комкора.

Помню, он сам как-то после долгих уговоров редактора на страницах нашей армейской газеты "Доблесть" рассказал коротко о первой бомбежке Берлина. Подошли они к немецкой столице на высоте семь километров. Небо чистое, все в звездах. А внизу — море света. Никакой маскировки... Как же, они веселились, они почти победители. Англичан забросали бомбами, русские отступают к своей Москве... Кого им бояться? Даже зенитки не стреляли. И ни одного истребителя. Наши зашли спокойненько, выбрали свою точку — вокзал — и сыпанули бомбы. Каждая в четверть центнера весом. Разворачиваясь на второй заход, увидели внизу взрывы. Часть города сразу "потухла". Тут уж включились прожекторы, зашарили лучами, но они, отбомбившись, уже вышли из зоны...

О реакции на ту бомбежку мне уже доводилось читать. Немцы ничего не могли понять. Сначала налет приписали англичанам, но те официально заявили, что в ту ночь с островных аэродромов не взлетал ни один самолет. Тогда кто? Кто осмелился потревожить завоевателей почти всей

Европы? Про русских, авиацию которых они якобы уничтожили, о чем не уставая твердила геббельсовская пропаганда, они и думать не могли. А тут на тебе: через сутки новый налет, и еще, и еще... И сообщение ТАСС в "Правде": "В ночь с 7 на 8 августа группа наших самолетов произвела разведывательный полет в Германию и сбросила некоторое количество фугасных и зажигательных бомб над военными объектами в районе Берлина. В результате бомбежки возникли пожары и наблюдались взрывы. Все наши самолеты вернулись без потерь".

Менее сдержанными были сообщения иностранных корреспондентов. 9 августа Лондонское телеграфное агентство сообщало: "Немцы пытались скрыть факт бомбардировки Берлина советскими самолетами, но потом вынуждены были этот факт признать. Берлинцы, которых в свое время уверяли в том, что их городу не грозит опасность воздушного нападения, теперь знают, что столица рейха уязвима для налетов как английской, так и советской авиации. Это весьма важный психологический фактор, который окажет большое влияние на моральное состояние самих немцев".

В те же дни все газеты Вашингтона, Нью-Йорка сообщали: "Воздушные налеты на германскую столицу становятся все более эффективными. Поврежден Штеттинский вокзал в восточной части и железнодорожная станция Вицлебен в западной части Берлина..." "Советская авиация сделала большой звездный налет на Берлин. Этот налет сильнее всех бывших до сих пор..."

Подчеркнем, что первый налет был сделан на сорок девятый день войны...

Из других документов, материалов узнаю, что с июня 1941-го по май 1945-го Александр Молодчий с экипажем налетал 600 тысяч километров — почти пятнадцать витков вокруг земного шарика по экватору... Что сменил три самолета, четырежды сажал подбитые машины вне аэродромов... Дважды приказывал экипажу покинуть борт, сам ни разу не оставлял пилотской кабины, за что получал нагоняи от полкового и дивизионного начальства.

И еще одна маленькая деталь: все члены экипажа Молодчего были старше своего командира. Штурману Сергею Куликову исполнилось двадцать восемь. Бывший фэзэушник и краснодеревщик по путевке комсомола поступил в летно-техническую школу. Служил авиатехником в Дальневосточной армии. После окончания штурманских курсов участвовал в боях с японцами у озера Хасан, воевал с белофиннами.

С Сергеем Куликовым Молодчий воевал три года, и перед очередным вылетом, когда командир уже был на крыле бомбардировщика, собираясь занять свое место в пилотской кабине, штурман вдруг потерял сознание. Полет в тыл врага тут же отменили. Молодчий на своем же бомбардировщике отвез друга на один из подмосковных аэродромов, откуда его доставили в госпиталь, где подтвердился страшный для летчика диагноз — сахарный диабет. И в армию Герой Советского Союза С.Куликов больше не вернулся.

Трудовая школа имела за плечами стрелка-радиста Александра Панфилова и воздушного стрелка Алексея Васильева. Один до призыва учительствовал в школе, второй работал на заводе...

Были они очень разными... Деловые и сосредоточенные, улыбчивые, по-девичьи стеснительные и теперь собранные воедино составляли одно

целое — экипаж, подчиненный воле, приказу главного человека на борту бомбардировщика — летчика Александра Молодчего. Во время тренировочных полетов, гоня тяжелую машину в ночных облаках, тот добивался боевой слаженности, быстроты реакции, уверенности. Они все учились побеждать, а это значило месяцами, годами быть вместе. В одно время отдыхать, рисковать собой, радоваться, огорчаться и просто жить на фронте.

Уже в сентябре, сразу после возвращения полка с острова Саарема в Подмоскowie, экипажу приказали вылететь в район Демьянска, что в Новгородчине. Нужно было провести разведку, при обнаружении скопления вражеских войск нанести бомбовый удар и сообщить на базу о результатах наблюдений.

Взлетели ранним и ненастным утром под морозящим дождем. Нагруженный бомбами самолет тяжело оторвался от земли и взял курс на запад, не сделав традиционного круга над аэродромом, что было запрещено в целях маскировки. В дождевых облаках прошли линию фронта, и вскоре в наушниках шлемофона Молодчий услышал Сергея Куликова:

— До цели тридцать минут, командир...

Сжимая штурвал, Молодчий вздохнул, подумав: "Какие расстояния... Над собственным двором крутимся!" И тут же приказал:

— Всем смотреть в оба! Снижаемся!

Пробив грязные косматые облака, тяжелая машина оказалась в шестидесяти—семидесяти метрах от земли. Пролетая над самыми верхушками деревьев, командир впервые увидел живых немцев. Шарясь по лесу, те удивленно поглядывали вверх, словно пытались узнать, что за сумасшедшие летают в такую погоду.

Под крыльями бомбардировщика заблестели мокрые крыши Демьянска. На улицах пустынно, город словно вымер. И уже на окраине обнаруживается огромное скопление танков, артиллерии, автомашин. Тут же неподалеку выстраиваются колонны солдат...

— Штурман, бомби!

— Низко... Нужно зайти еще раз!

— Ты что, на полигоне?

— Развернись, командир, пожалуйста, — просит невозмутимый Сергей. — Поднимись чуть, дай рассмотреть.

Во время разворота Панфилов передает радиодонесение об увиденном. Бомбардировщик заходит на цель. Теперь под ураганным огнем зениток. Снаряды рвутся слева, справа, спереди, сзади... Возможность маневра — ноль. Но ведь надо. Куликов уже открыл бомболюки, ведет прицеливание, командует:

— Правее один градус... Так держи! Хорошо! Теперь левее полтора градуса... Отлично! Пошли, родимые!

Освобожденный от бомб самолет рвется вверх. За ним — разлетающиеся куски бронированного металла, башни и гусеницы, стволы орудий, колеса, тела... Но тут в машину попадает снаряд. Через мгновение еще два удара сотрясают самолет. В кабине стрелка вспыхивает огонь...

Молодчий применяет уже опробованный прием — притворяется сбитым. Чтобы быстрее уйти с высоты, резко бросает машину на крыло. Прием срабатывает: прекратив стрельбу, немецкие зенитчики ждут уда-

ра самолета о землю. А штурман, сидящий в своей кабине ниже летчика и в самом носу, предупреждает:

— Саша, Саша, осторожно... Земля совсем близко!

К досаде немцев, бомбардировщик не падает, над самыми верхушками деревьев выравнивается, уходит на восток. Стрелок и радист гасят пожар. Но тут начинаются перебои в работе правого двигателя. Он потерял половину мощности, упали обороты. Самолет затрясло. Вся надежда оставалась на левый мотор, на мастерство пилота.

На земле при осмотре изрешеченной машины механики с техниками только ахали, разводя руками. Две дыры в кабине стрелков, десятки пробоин в фюзеляже, на крыльях, отбит один киль с рулем поворота, повреждены бензобаки...

Но пусть так, пусть подбитый, искореженный, пусть на одном крыле, главное — сделать дело, вернуться. Все чаще и чаще самолеты не возвращались, погибали экипажи. И все жестче становилось желание мстить за друзей, за все содеянное врагом на родной земле... Разнесен железнодорожный узел Пскова с десятком эшелонов с живой силой и техникой. Удары по Смоленску, Рославлю, Унече, Витебску... И новый приказ: бомбить железнодорожную станцию древнего Новгорода со скопищем эшелонов, военных грузов.

Вот как вспоминал об этом сам Александр Молодчий:

"...В воздух один за другим поднимаются бомбардировщики. Подходит моя очередь. Начинает моросить противный осенний дождь. Тьма подступила к самым зрачкам.

— Взлетишь? — совсем не по-военному спрашивает комполка.

— Взлечу! — отвечаю как можно бойчее, а у самого сердце колотится: ведь не видно ни зги.

Выруливаю на старт. Самолет набирает скорость, нехотя отрывается от земли, "вслепую" прорезает мокрую тьму. Лечу — будто иду над пропастью по узкому бревну. Темнота. Нет ни земли, ни неба. Все исчезло. Весь мир отгорожен от меня этой тьмой да стенами кабины самолета. Руки на штурвале, глаза на приборах. Трудно летчику пилотировать в таких условиях. Но не легче и штурману прокладывать курс, отыскивать в кромешной тьме цель.

В этом полете наш экипаж оказался в более выгодном положении, чем те, что ушли на цель раньше нас. Они проложили путь, указали точный ориентир для удара. До намеченного объекта еще километров сорок, а уже видно зарево пожара, яркие вспышки взрывающихся бомб...

— Богатое зрелище! — слышится в наушниках голос Сереги, как звали мы между собой нашего штурмана.

Подходим ближе. Над освещенной пламенем пожара железнодорожной станцией поднимается густой черный столб дыма: очевидно, горят цистерны с горючим. Делаю разворот. Куликов сбрасывает на парашютах светящиеся бомбы, так называемые САБы. В начале войны ими пользовались редко. Но мы вспомнили о них и начали первыми применять в ночных полетах. САБы не только хорошо освещали вражеские цели, но и мешали зенитчикам вести прицельный огонь, снижали эффективность прожекторов...

Выходим точно на цель. Штурман сбрасывает 250-килограммовые бомбы. Еще один заход — и из бомболюков сыплются "зажигалки". Стрелки дружно поливают скопившиеся эшелоны пулеметным огнем..."

Вспомним, что это был октябрь 41-го... Враг упорно рвался к Москве. На весь мир гитлеровцы вещали о близкой победе, о полном уничтожении авиации русских. А Молодчий с товарищами продолжал летать. Днем, а больше ночью нанося удары по ближним и дальним целям. Иногда с эскадрильей делая по два вылета за ночь. Часто теряя товарищей... Только за два дня — 6 и 7 октября — на базу не вернулись четыре экипажа. Оставшиеся летали с удвоенной яростью. Бомбили Витебск, Каунас, тыловые базы фашистов, наступавших на войска Калининского фронта.

В один из таких полетов осколками близко разорвавшегося снаряда зенитки самолет был сильно поврежден. Удерживать его в воздухе стоило невероятных усилий и мастерства летчика. Но почти над линией фронта машину атаковали два мессера. Саша Панфилов сбил одного. По второму вел огонь Леня Васильев. Но враг успел прошить самолет очередью из крупнокалиберного пулемета, оставив в крыльях рваные дыры.

Непонятно как, но самолет еще держался на курсе и высоте. Действующий один мотор перегрелся. Молодчий понял: не удержать. В ту же минуту гул прекратился, самолет сильно встряхнуло, винт остановился. Стало совсем тихо. А из-под капота мотора выскользнули языки пламени, и сразу же загорелось крыло.

— Все немедленно за борт!

Через секунды под машиной раскрылись три парашюта. Четвертый оставался под летчиком. Ему очень, очень не хотелось оказаться "безлошадным". Поискав глазами место, планируя, он приземлился горящий бомбардировщик на берегу речушки. Выскочив из кабины, успел отбежать в сторону и, потеряв сознание, упал.

Очнувшись, Александр увидел вокруг себя ватагу деревенских мальчишек. С молчаливым любопытством и взрослой серьезностью они рассматривали летчика, а какой-то старик прижимал к его разбитому лбу мокрую тряпку. Отведя руку, Молодчий сел, осмотрелся. Увидев остатки догоравшего самолета, застонал.

— Ты кто? — строго спросил старик.

Но вместо ответа летчик спросил окружающих:

— Не видели троих парашютистов?

— За леском опустились...

— Так ты кто такой? — не отступался старик.

Александр кивнул в сторону машины:

— Разве не видишь?

— На ём же звезды, деда, — подсказал один из мальчишек.

— А ты помолчи, сопля, — прикрикнул на него старик. — Звезды можно и нарисовать... И язык русский выучить. Сколько таких случаев было: и форма наша, и толкуют по-нашему, а на поверку — хвашист. — И снова повернулся к летчику: — Покажь документ!

— Так по твоим рассуждениям, отец, и документ можно подделать!

Посмотрев комсомольский билет, старик распорядился:

— Ванька! Пашка! Бегите к председателю, пуцай подводу пришлет!

Уже в сумеречном свете к самолету подошли трое в летных комбинезонах. Двое высоких — стрелки, плотный приземистый — штурман. Осмотревшись, друзья сняли шлемофоны и склонили головы. Спускаясь, они видели огненным смерчем летящий к земле самолет и, зная характер командира, понимали все... Чудеса — редкая штука.

Друзья не видели собравшихся за развесистым кустом боярышника, и один из мальчишек звонко позвал:

— Дяди, он здесь! Здесь он!

Как хорошо, что по молодости лет они не умели плакать... Могли бы и оконфузиться...

Ранним утром председатель колхоза отвез летчиков на полевой аэродром, расположившийся в нескольких километрах от села. Хотя аэродромом оказалось запасное летное поле с маленьким домиком, флюгером и дежурным. Но чудо: у дежурного оказался телефон. С большим трудом экипаж дозвонился до части. Оттуда сообщили:

— Посылаем транспортник... Готовьте посадочный знак.

К удивлению ребят, на "дугласе" прилетел сам командир полка. Молодчий доложил о случившемся. Выслушав его, полковник резко сказал:

— Неправильно действовали, лейтенант! Вам также надо было выбрасываться, а не сажать горящий самолет. Спасти его вы не могли, а рисковать жизнью не имели права! У нас нет права на смерть! Понимаете? Война только начинается...

Еще построжав чуть, полковник вдруг улыбнулся, шагнув к молодому командиру, крепко обнял его и сказал совсем уж по-домашнему:

— Поздравляю, дорогой... Вчера опубликован Указ Президиума Верховного Совета. Тебе присвоено звание Героя Советского Союза. Ты, Куликов, награжден орденом Ленина, а ребята — орденом Красной Звезды... Так что с вас причитается, и давайте-ка поспешим, погода барахлить начинает...

Низкие облака собирались укрыть это неприметное поле, сыпя все густеющую снежную крупку. Зима сорок первого не собиралась задерживаться...

Молодчий со товарищи недолго значились в списке "безлошадных": вскоре полк перебросили в глубокий тыл на переформирование. Нужно было принять пополнение, получить новые самолеты и хоть немного отдохнуть. За месяцы войны экипажи просто выбились из сил. Да и оставалось в полку только три бомбардировщика, два из которых требовали ремонта.

К удивлению самих летчиков, им пришлось привыкать к обстановке тыла... К тишине, ночному сну, освещенности домов и улиц, нормальному распорядку с питанием по часам. Они уже привыкли к войне, с ее тревогами, разрывами зенитных снарядов, своих и чужих пулеметных очередей, к реву моторов брошенного в крен самолета, вою бомб, к столбам взрывов внизу, виду горящих эшелонов, разметанных танковых колонн...

Но "курортная" жизнь продолжалась недолго. Полк получил новенькие бомбардировщики Ил-4. Машина оказалась лучше, совершеннее предыдущих. Пара двигателей с тягой 1100 лошадиных сил каждый давала скорость до 430 километров в час, потолок подъема до 9700 метров, дальность полета до 4000 километров. Для защиты верхней полусферы имелся крупнокалиберный пулемет, а впереди и сзади были установлены скорострельные пулеметы. Днище и спинка сиденья пилота прикрывались толстой броневой сталью. Но самое главное — самолет брал две с половиной тонны бомб.

Этим полковые бомбовозы воспользовались вскоре после перебазирования на новое место. Зимним утром в тридцатиградусный мороз эскад-

рилья Молодчего с предельной загрузкой ушла в свинцово-пепельные облака. Скрытые ими, дошли до большого, хорошо оборудованного аэродрома немцев, с которого совершались налеты на Москву. К общему удовлетворению, на всем пути не встретили вражеских истребителей: при сильных морозах немецкие техники не умели быстро готовить свои самолеты к вылету.

Вывалившись из облаков, Молодчий увидел под собой аэродром и на нем не менее сотни боевых машин. Немецкие зенитчики открыли стрельбу, но было поздно: 84 фугаски, сброшенные семеркой, надолго вывели аэродром из строя. Позже партизаны сообщили об уничтожении более двадцати бомбардировщиков, о повреждении многих других, полном уничтожении складов с горючим и боеприпасами.

Молодчего радовало, что полным составом эскадрилья возвращается на базу. Но минут через сорок после бомбежки Алексей Васильев сообщил:

— Командир, из-под крыла течет масло!

Он и сам уже видел, что с двигателем неладно. Поднималась температура, падало давление. Видно, из-за пробоины в маслобаке. Если мотор не выключить, его заклинит и он загорится. А до линии фронта, по словам штурмана, еще двадцать две минуты...

Молодчий приказал своему заместителю принять командование эскадрильей и следовать домой. Сам тут же выключил мотор. Скорость резко упала. Теперь самолет отстанет от группы и будет возвращаться в одиночку. Таких и ловят истребители... Но что такое? Вся эскадрилья сбросила скорость, плотным строем окружила поврежденную машину. Молодчий еще раз приказывает уходить, грозит кулаком, но его не слушают. И лишь когда командир посадил машину на запасном аэродроме, эскадрилья, сделав прощальный круг, взяла курс на базу.

Напряжение на фронте нарастало. В жестоких боях советские войска перемалывали живую силу и технику противника. Нужно было лишить фашистов подпитки резервами из тыла. Полки 81-й авиадивизии днем, а больше ночью нещадно бомбили железнодорожные станции, мосты, укрепрайоны, склады, аэродромы, штабы, механизированные колонны. Но где бомбили... Орел, Брянск, Курск, Сеша, Витебск... Свои же, знакомые города! Еще недавно они сами взлетали с тамошних аэродромов, в свободное время гуляли по улицам с местными девушками. Теперь на тех улицах враг. И он должен быть уничтожен. Через кровь и сердечную боль, через скрип зубов, заглушаемый яростью мщения.

В зиму 41—42 годов фашистов отогнали от Москвы, остановили под Ленинградом, в Донбассе, выбросили из Ростова. Фронт на время как-то стабилизировался, но не затих. Отдельные экипажи полка бомбили железнодорожные узлы, большаки и проселки на ближних рубежах, а эскадрилья Молодчего продолжала налеты на глубокие тылы врага, долетая до берегов Балтики. Несколько раз сам комэск вылетал на бомбежку скопления эсэсовцев, окружавших партизан, за что получал благодарственные радиogramмы.

С весной и наступлением лета 1942 года сражение разгорелось с новой силой. Нанеся удар на юге, гитлеровцы ринулись к Сталинграду, на Северный Кавказ. Летая над донскими степями, летчики видели, как огненно-дымовая волна двигается на восток, поглощая все живое. Помощь с

воздуха была нужна ежечасно, ежесуточно. И они делали все возможное. Только за одну июльскую неделю полк совершил 180 вылетов. Из них ночных — 120. На дальние цели — 85, ближние — 35. Было уничтожено и повреждено 15 эшелонов, 20 танков, 70 автомашин с живой силой, четыре аэродрома, сбито три истребителя. Потери полка — пять машин.

После возвращения с очередного боевого задания Молодчий зашел в штаб для доклада. Выслушав его, командир задал неожиданный вопрос:

— Вы удовлетворены испытанным вами приспособлением по увеличению дальности полета бомбардировщика?

— Да, конечно.

— Полет на предельный радиус возможен?

— Если с подвесными баками, то возможен. Но...

— Что — но?

— Немец под Сталинградом. Наши силы должны быть брошены туда.

— Ошибаетесь, капитан, — проговорил полковник, не отрывая взгляда от карты Европы. — Именно сейчас необходим удар по гитлеровскому логову, по его городам... Это будет иметь огромное политическое значение. Все понятно?

Удивленный Молодчий пожал плечами:

— Н-не совсем...

— О чем же мы толкуем здесь столько времени? Готовьтесь к полету на предельный радиус... Это приказ Ставки, капитан!

Подготовка началась без промедления. Техники с механиками устанавливали дополнительное оборудование для увеличения запаса топлива, меняли поношенные моторы. Оружейники получали бомбы повышенной разрушительной силы. Летный состав склеивал карты с территорией Германии, Венгрии, Румынии...

Во второй половине июля 1942 года экипаж капитана Александра Молодчего, с невероятным трудом пройдя через обширный грозовой фронт, бомбит центр Восточной Пруссии Кенигсберг. Через сутки налет повторяется, но уже в составе нескольких полков дивизии. И диктор Левитан своим неповторимым голосом сообщил миру: "В ночь на 19 июля 1942 года большая группа советских самолетов бомбила военно-промышленные объекты Кенигсберга, Данцига, Тильзита. В результате бомбардировки в городе Данциге возникло большое количество очагов пожара, из них семь — крупных, наблюдавшихся экипажами при отходе самолетов от цели до пределов видимости. Отмечено 16 взрывов, в том числе пять огромной силы, с выбрасыванием яркого пламени и клубов черного дыма. В районе складов портового управления и Данцигской верфи возникло девять очагов пожара. В Тильзите зафиксированы четыре крупных пожара и несколько взрывов."

При налете на Кенигсберг, Данциг, Тильзит особенно отличились экипажи Героя Советского Союза капитана Молодчего, капитана Брусницина, старшего лейтенанта Гаранина, капитана Писарука, майора Ткаченко, капитана Несмашного и многие другие..."

Под рубрикой "ТАСС сообщает" эта информация обошла газеты СССР, крупнейшие издания всего мира.

А на аэродроме готовились к налету на Берлин. Уже 25 августа капитан Молодчий доложил о готовности эскадрильи к выполнению задания.

Но с места постоянного базирования полка летчики не могли достать

до фашистской столицы: горючего не хватало, что показали контрольные замеры остатков после рейдов на Кенигсберг и другие города. Взлет ударной группы решили произвести с аэродрома "подскока", расположенного вблизи линии фронта. Днем 26 августа малыми группами на бреющем, с предельно ограниченной связью с землей (чтобы не быть запеленгованными, воздушные радисты работали только на прием), эскадрилья перелетела на полевой аэродром. Самолеты сразу же тщательно замаскировали. К вечеру бомболюки загрузили под завязку, баки заполнили под пробку. Под фюзеляжами закрепили подвесные баки с бензином. После ужина полковой врач опросил каждого о самочувствии, бортовые аптечки пополнили медикаментами, экипажам выдали неприкосновенный запас питания — шоколад, сгущенку, сало, хлеб. Голодающая страна снабжала защитников всем необходимым: от меховых унтов до тонных бомб.

Взлет разрешен, двигатели запущены. Самолет вибрирует, дрожит от бешено ревущих винтов. Из окна кабины Молодчий видит провожающих — техника, механика, инженера эскадрильи. Они в чистой форме, надранных сапогах, при орденах и медалях... Мужики знают о традиции экипажа комэска: в боевой полет — только в праздничной форме, при орденах.

Летчик поднимает правую руку. Стоящие на земле берут под козырек. (Прощальные помахивания в полку запрещены неписанным законом.) Отпущены тормоза. Сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, со страшным стуком шасси на выбоинах машина начинает разбег. Молодчий исподволь подбирает штурвал, и тяжелый, перегруженный самолет отрывается от земли, медленно набирает высоту и растворяется в темноте наступающей ночи.

Полет на Берлин и обратно рассчитан на темное время суток. Это значит, что шесть-семь часов пилот не будет видеть горизонта. Его внимание на приборах. А они так несовершенны, так приблизительны. Автопилота нет, и летчик ни на минуту не может оставить штурвал. На нем расчет режима работы двигателей, высоты, преодоление грозных зон и многое другое, отчего зависит расход горючего, рассчитанного до литров. И как ни крути — кругом риск! Смертельный риск!

Прогноз синоптиков подтвердился: путь преграждает грозной фронт. Некоторые экипажи решают обойти его с севера. А это значит, что они не долетят до Берлина, а бомбы пойдут на запасные цели — Кенигсберг, Штеттин, Данциг... Молодчий идет напрямую, выискивая коридоры в грязных, клубящихся облаках. Со всех сторон и под самолетом, и над ним сверкают молнии. Экипаж в кислородных масках: высота за пять тысяч метров. За бортом то дождь, то снег. Временами что-то так шуршит по самолету, что кажется, будто он летит не в воздухе, а плывет в какой-то черной жуткой массе. И бросает машину так, что командир с трудом удерживает штурвал. За бортом мороз, а он мокрый от пота.

Около трех часов продолжались "качели"... Но вот грозные тучи остаются позади, самолет выходит в чистое звездное небо. Теперь он как на ладони. И возможна встреча с истребителями. А правило ночи — кто первым увидел, тот победил.

— Внимание за воздухом! — напоминает командир. — Вертеть башкой на все триста шестьдесят градусов...

Самолет идет вдоль береговой кромки Балтики. Впереди появляются вспышки разрывов зенитных снарядов, по небу шарят лучи прожекторов.

Внизу полыхают пожары, а слева в темноте появляются огненные трассы. По их цвету Молодчий определяет где чей самолет. Наши трассеры зеленые, у немцев — оранжевые и красные. Ему понятно, что неподалеку идет воздушный бой, что экипаж советского бомбардировщика после разгрузки отбивается от истребителей. Но он ничем не может помочь товарищам.

— Штурман, что за город внизу?

— Штеттин, — отвечает Куликов. — А бомбил кто-то из наших... Как с горючим, командир? Домой хватит?

— Сколько до цели?

— В пределах тридцати минут.

Как медленно, убийственно медленно тянутся эти минуты. Ведь за каждой — литры бензина... И вот наконец в наушниках буднично-спокойный голос штурмана:

— Подходим к Берлину!

— Приготовиться к бомбометанию! — приказывает пилот всему экипажу. — Стрелки! За воздухом смотреть в оба!

Наблюдение врага сработало четко: в небо врезаются десятки прожекторных лучей, вокруг бомбардировщика начинают рваться зенитные снаряды. "Не тот немец в тылу, не тот, — с усмешкой отмечает Молодчий. — Помнит август прошлого года".

Его ослепляют лучи прожекторов. Вокруг частокол огня. В кабине жарко, пот заливает глаза. Не хватает кислорода. Но одинокий самолет упорно пробивается вперед, стараясь вырваться из цепких лап прожекторов. С высоты в 6300 метров резким креном самолет ныряет вниз и в сторону. Крен двадцать, сорок, шестьдесят градусов. Маневр, совершенно не допустимый для конструкции бомбардировщика, но он удается. Прожектора потеряли самолет. А он — около тысячи метров высоты.

— Вижу цель! — сообщает штурман.

— Становлюсь на боевой курс!

Прожектора шарятся рядом, взрывы рядом, но теперь уже все: с боевого курса не свернешь

— Саша, два градуса вправо, — просит Сергей. — Еще чуть-чуть. — И через минуту торжествующе: — Пошли, родимые, пошли!

Тяжелые полутонные бомбы устремляются вниз, и уж их-то теперь никто и ничто не остановит. Возмездие неотвратимо!

Сотни стволов ведут огонь по самолету. Молодчий бросает его из стороны в сторону, норовя попасть в только что полыхнувшую гроздь разрывов, до предела увеличивает скорость облегченной и теперь более послушной машины. Набирает высоту. "Собьют, гады!" — думает он и кричит радиосту Панфилову:

— Саша, передавай: "Москва, Кремль, товарищу Сталину. Нахожусь над Берлином. Задание выполнено! Молодчий, Куликов, Панфилов, Васильев".

Неожиданно зенитки прекращают огонь. Значит, где-то рядом немецкие истребители. И тут же слышит доклад стрелка:

— Справа над нами мессеры!

— Вижу... Не давайте им подойти!

К звуку моторов добавляется скороговорка пулеметных очередей. Командир все время маневрирует машиной, тихо удивляясь тому, что они

еще целы, что все приборы работают нормально, двигуны тянут и тянут, уводя от опасного места. И, когда самолет влетает в те же грозовые облака, едва сдерживает вздох облегчения. В ночной темноте не просто обнаружить бомбардировщик по выхлопам, а уж в облаках он не доступен.

— А стрелять немцы не умеют, — с явной расслабленностью говорит штурман. — При таком огне попадать надо. И почему они нас не сбили?

— Сам удивляюсь, — усмехается командир и спрашивает радиста: — Радиограмму передал?

— И квитанцию получил. Приказали ждать ответ.

В холодной темноте неба на высоте семи километров одинокий самолет чертит дорогу домой. На борту тишина. Теперь каждый по-своему переживает недавнее, и сам Молодчий даже вздрогнул, услышав голос Панфилова:

— Радиограмма с земли!

— Читай.

— "Все понятно. Благодарим. Желаем благополучного возвращения".

После десяти часов полета они сели на том же аэродроме "подскока". Быстро дозаправились и взлетели, всего на несколько минут опередив "юнкерсов".

Через пару суток экипаж Александра Молодчего снова был в небе Берлина. На этот раз до столицы рейха добрались многие экипажи. Пятого сентября с группой самолетов полка он бомбит столицу Венгрии Будапешт. Подробностям этого налета газета "Правда" посвящает большую часть страницы. А еще через несколько суток наносится бомбовый удар по военно-промышленным объектам Бухареста... И снова налеты на Кенигсберг, портовые города Восточной Пруссии. Глубокий тыл врага на себе испытал все ужасы войны. А это очень "капало" на психику и самих немцев, и их союзников.

Но обстановка на фронте требовала помощи бомбардировочной авиации наземным войскам. Немец рвался к Волге, к Сталинграду... Требовались бомбовые удары по переправам, железным дорогам, аэродромам, эшелонам, скоплениям танков, живой силы... "Нередко нашему полку приходилось действовать как штурмовикам, — вспоминал Молодчий. — С малых высот мы сбрасывали тяжелые бомбы, обстреливали наземные цели из пулеметов. Мелькали дни, мелькали ночи. Мы их не видели. Рев моторов. Разрывы бомб. Взлеты. Посадки. Снова взлеты. По два вылета за ночь. Ад на земле. Ад в воздухе..."

Признаюсь, читая все, что касалось А.И.Молодчего, я не раз вспоминал услышанное давным-давно в квартире генеральского дома: "Он доолен благодарить судьбу за то, что родился в рубашке... Летчики бомбардировочной авиации дальнего действия так долго на фронте в большинстве своем не жили. Слишком много риска и очень мало шансов..." И полковник был прав. Ангелы-хранители, видимо, все время порхали рядом с этим пилотом и командиром воздушного корабля. Но очевидно то, что дело было не только в них...

Под плотным огнем немецких зенитчиков экипаж отбомбился по Кенигсбергу. Удачно вышел из зоны огня. Доложили на КП о выполнении задания, о возвращении. Но им еще предстояло лететь над вражеской территорией более трех часов. И тут из-за перегрева пришлось выключить один двигатель. Машина потеряла скорость и высоту. До ли-

нии фронта остается 700 километров, высоты — 2000 метров. И она уменьшается. Для облегчения самолета Молодчий приказывает снять радиостанцию, кислородные баллоны, нижнюю турельную установку и все это вместе с пулеметом и зарядными лентами выбросить за борт. Для верхнего пулемета оставили всего пятьдесят патронов.

Линию фронта переползли в ночных облаках на высоте всего 600 метров. Но самолет снижается. Мало что изменяет и максимальный режим работы единственного двигателя. Он перегрет до предела. Высота уменьшается. Молодчий приказывает экипажу покинуть борт. Штурман и стрелки дружно отказываются. Двигатель на грани загорания, и на высоте двести метров командир выключает его.

Вокруг ночь, не видно ни зги. Зимой с высоты хоть что-то просматривалось на белом снегу, а тут апрель... Чернота земли спрессовалась с темнотой ночи. И в ней громадным призраком бесшумно скользит тяжелая машина. На высотомере уже ноль. Где-то рядом вот-вот должна быть земля, и, предчувствуя толчок, летчик интуитивно берет штурвал на себя, в последнюю секунду выпустив закрылки для торможения... И, когда рассвело, они увидели по бокам от самолета перелески, впереди — заплот, позади — плетень... Оказалось, сидят на чьем-то огороде.

До базы добирались на лошади, на автомашине, даже на паровозе. В "огород" сразу отправили техников, механиков и пилота, который после ремонта и подъема самолета "на ноги" перегнал его в полк. А экипаж уже на другой машине 12 мая 1943 года вылетел на бомбежку Варшавы.

Судьба благоволила летчику Александру Молодчему. Но не только она... Говорят, удача приходит к умелым. И в частых испытаниях, в спасении собственной жизни, жизни экипажа и дорогостоящей машины удаче помогало высочайшее мастерство пилота. Летать в первые годы войны без прикрытия истребителей, летать в кромешной тьме, в грозовых тучах, шквальных потоках... Бросать свой самолет в зону только что разорвавшихся зенитных снарядов, зная, что по одному месту дважды зенитчики не попадут. (Позже этот маневр назовут "маневром Молодчего"!) По молчанию зениток предугадать появление вражеских истребителей и подготовиться к встрече с ними, благодаря чему в воздушных боях экипаж сбил пять истребителей. А применение светящихся авиабомб, не только хорошо показывающих цель, но и слепящих прожектористов, зенитчиков врага...

Весной 44-го Александр Молодчий получил тяжелый бомбардировщик американского производства. Теперь у него был второй пилот, добавился и кормовой воздушный стрелок. На этой машине экипаж вылетал на бомбежку военно-морских баз в Финском и Рижском заливах, столицы Финляндии Хельсинки. К тому времени Молодчий был назначен летчиком-инспектором по технике пилотирования и контролировал подготовку летчиков к боевым вылетам. Но по его просьбе за ним оставили самолет с экипажем, и до конца войны он еще более пятидесяти раз "прогуливался" по тылам врага.

Война для него кончилась 8 мая приказом об отмене очередного вылета. Но не кончилась служба... Командир полка, слушатель Академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, генерал-майор, комдив и... постоянный пилот. Он не мог не летать. Тем более что на вооружение поступали все новые и новые самолеты с турбовинтовыми, реактивными

двигателями. И каждую машину новой модификации испытывал сам Александр Игнатьевич Молодчий, будучи и замом командующего 5-й Воздушной армии авиации дальнего стратегического назначения, и командуя корпусом. И по приборам, и взглядом познавал он безграничность просторов над Тихим океаном, Северным Ледовитым, над Дальним Востоком, Сибирью, Приамурьем...

Сейчас уже не установить день и час последнего взлета, последней посадки воздушного корабля под управлением А.И. Молодчего. В конце 1964-го генерал-лейтенант вышел в отставку, а с той поры много воды утекло, многое переменилось. Даже аэродромы, на которых базировались полки и дивизии его корпуса, оказались в других государствах. Что уж тут про документы какой-то части говорить! Вот и в год 85-летия авиации дальнего действия отцы-командиры полка, расположенного на аэродроме Украинка, ни словом не обмолвились в печати о прославленном асе Александре Молодчем. А ведь он одним из первых колесами своего ракетноносца освоил эту взлетно-посадочную полосу. И кто знает, не по его ли предложению дано имя его родной стороне этой военной точке.

И еще одно, последнее сказание...

Я знал, что в родном Луганске о подвигах и героизме Александра Игнатьевича Молодчего землякам напоминают два бронзовых бюста. Один установлен в центре города на площади, второй — в сквере 13-й школы, в которой учился Герой. Но бюсты — это само собой. Это вечное. А попросив людей в военной форме навести справки о месте проживания Александра Игнатьевича в настоящее время, я просто боялся услышать, что, мол... фронт, война, напряжение, постоянство смертельного риска...

Но все оказалось так же прекрасно, как прекрасна жизнь, ради которой он столько раз жертвовал своей. Молодчий жив, здоров и 27 июня отметил свое 80-летие! Можно полагать, что в этот день в его квартире под 14-м номером в доме шесть по улице Щорса в городе Чернигове было многолюдно и что по этому адресу зачастили почтальоны. Ведь послать поздравительную и благодарственную строку может каждый... А может, должен?! Генерал-Герой заслужил поклона и его современников, и молодого поколения...

